Проект издательского дома „Эпоха"
Серия „Современная дагестанская проза"
Ш. Микаилов
Напишите про меня книгу

Шихабудин Ильясович Микаилов

Напишите про меня книгу

Серия «Современная дагестанская проза»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8682487
Напишите про меня книгу: Эпоха; Махачкала; 2011
ISBN 978-5-98390-094-3

Аннотация

В этой книге вымышленные герои живут рядом с историческими персонажами конца прошлого века: Горбачевым, Ельциным, Магомедовым. История дагестанца, который в 20 лет ушел из родного высокогорного аула и прошел путь от мелкого предпринимателя с полукриминальным прошлым до большого руководителя с кабинетом на Старой площади, насколько типична для того времени, настолько и уникальна.

Содержание

Карим	6
Карина	20
Свадьба	28
Лидер	46
Депутат	58
Тагир	65
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Шихабудин Микаилов
Напишите про меня книгу

Все нижеследующее – вымысел и никак не связано ни с кем из живущих или уже умерших

26 мая 2009 года в аул въехала потрепанная временем и горными дорогами серебристая «десятка». Она проехала по центральной улице и остановилась у небольшого бронзового памятника Ленину. В нескольких метрах от Владимира Ильича в тени раскидистой ивы на низкой скамье сидели семеро стариков. Один из них показывал на только что подъехавшую машину, другие о чем-то негромко спорили.

Из машины вышли двое. Явно городские. Тот, что был за рулем, полез в багажник и достал оттуда две профессиональные фотокамеры. Двери машины мягко захлопнулись, пискнула сигнализация, и приезжие уверенным шагом направились к старикам.

– Салам алейкум, – поздоровались городские.

– Алейкум салам, – почти хором ответили старики, – откуда, куда, по каким делам у нас?

– Из Махачкалы. Книгу делаем о дагестанских аулах. Вот к вам доехали, хотим поснимать, а потом расспросить у вас о вашем селе. Слышали, у него история богатая.

– Ну что ж, дело хорошее. Снимайте. А историю нашего аула вам Карим расскажет. Он у нас самый умный, говорят,

с самим Ельциным однажды водку пил. Вон его дом в конце улицы.

Журналистов проводили к дому Карима. Хозяин лично накрыл стол, долго рассказывал. Основали, разграбили, восстановили и так далее, а потом задумался на минуту и тихо произнес:

– Напишите про меня книгу.

Карим

Вчера к нам в часть привезли артистов. Их было много, человек 20, и полковник Савельев приказал мне и Вахтангу сделать им шашлык. А мясо принесли свинину. Я им говорю: я из свиньи шашлык никогда не делал. Испортить могу. А Савельев мне отвечает, приказы не обсуждаются, приказы исполняются. Короче, мы справились. Я долго держался, чтобы не попробовать. Пока жарили, нюхал, нюхал, а потом съел три куска. Отцу не говори.

Наших всех поздравь с праздником. Передавай привет дяде Надиру, дяде Хочбару, Мухтару, Джамалу, Расиму и Абдульчику.

С армейским приветом, мл. сержант Джандаров К.А.

Мелкий, надоедливый осенний дождь не прекращался уже неделю. Днем и ночью отстукивал барабанную дробь по крыше. Возле дома, в котором жил Карим, выросла огромная лужа – никак не объедешь. За последние два дня он уже раз пять выходил, чтобы вытащить очередную застрявшую машину. Колеса буксовали, густая липкая грязь летела во все стороны, пачкая руки, лицо, одежду. Машина вырывалась из «мокрого» плена, водитель давал два гудка благодарности и скрывался за ближайшим поворотом, а Карим, улыбаясь, шел домой переодеваться. Так и тянулись друг за другом

похожие дни. Но когда все сельчане уже смирились с этой серой действительностью, дождь неожиданно прекратился и выглянуло солнце. Унылый сельский пейзаж вдруг преобразился и стал почти праздничным.

Карим прошелся по комнате, посмотрел на настенные часы с кукушкой, сел на диван. Посидел, встал, опять присел. Потом минуты три размышлял у окна, чем занять себя в этот бесконечный «резиновый» день. Видимо, что-то придумал, надел свою старую японскую куртку и вышел на крыльцо. Какое-то время он молча наблюдал, как носятся по двору куры, а когда и они надоели, направился к калитке, ведущей в сад. В саду уже возился обрадовавшийся неожиданному просветлению на небе отец Карима.

Тридцать пять лет отдал Альдер Джандаров родной советской милиции, но на гражданку ушел в чине старшего прапорщика, и за столом это обстоятельство частенько было предметом шуток. Удивительно спокойный и рассудительный Альдер никогда на них не обижался. Слишком много времени потратил он на дела, которые сейчас кажутся ему ничтожными по сравнению с возможностью посадить пару молодых яблонь в своем саду, чтобы придавать значение неосторожному слову. В год, когда началась эта история, отцу Карима исполнилось шестьдесят. Четыре года назад отправилась на тот свет жена, подарившая ему троих сыновей, и теперь его единственной заботой были шесть соток земли возле старого сельского дома с черепичной крышей, в кото-

ром еще до установления советской власти в Дагестане родился Альдер, а потом и его дети.

– Салам, товарищ полковник. – Карим смотрел на отца, улыбался и щурился от яркого солнца.

– Алейкум салам, товарищ младший сержант. Решил отцу помочь по хозяйству? Давай, бери лопату, земля сейчас влажная, копать легко будет.

– Не, я потом поработаю. Хочу к Мухтару зайти, он еще до армейки взял у меня на три дня кассету Высоцкого. Уточнить нужно, он сказал «три дня» или «три года»?

Карим никогда не был ни бездельником, ни лентяем. С пяти лет он помогал отцу пасти колхозную скотину, в десять наравне со взрослыми мужиками строил младшему брату матери дом в соседнем селе. Но больше всего он любил возиться с отцовским мотоциклом «Урал». Таких во всем районе было пять-шесть. Когда в 12 лет Карим впервые проехал на нем по селу, счастье его было безграничным. Но сегодня ему работать не хотелось, и историю про кассету Карим придумал на ходу.

Десять дней назад Карим, отслужив положенные два года, вернулся в родное село. Что-то напевая себе под нос, он шел от автобусной остановки к родному дому, здоровался с односельчанами и улыбался даже встречным собакам. Как выглядел этот молодой человек? Обыкновенно. Нормальный среднестатистический дембель. Среднего роста, среднего телосложения, без особых примет. Торчащие из-под пилотки

уши, прическа – полубокс, на кителе пара значков «отличник боевой и политической подготовки», офицерский ремень с начищенной до блеска бляхой. Наколка на правой руке «Дагестан» с тремя остроконечными горами не в счет. Под одеждой ее не было видно.

В одной руке у нашего героя был потертый чемодан, в другой – завернутый в газету альбом «ДМБ-79». Три дня все село праздновало возвращение Карима. А на четвертый пошел дождь. И праздник закончился как-то сам по себе. Но Карим и не думал переживать по этому поводу. Ему двадцать лет, вся жизнь впереди. Какой дождь может испортить настроение молодости?

…Уже с улицы крикнул Карим отцу: «Я скоро!» – и быстрым шагом направился в сторону горы Медвежья лапа. Вид на родное село с этого места нравился ему больше всего. В садах уже почти полностью опала золотистая листва, и только ярко-оранжевая хурма на деревьях была похожа на маленькие костры, разожженные у каждого дома.

Карим сел на камень, достал сигареты, закурил. Полтора часа он смотрел на село. Стадо грязных и мокрых коров возвращалось с пастбища. Карим вспомнил, как в ночь на первое сентября, когда он впервые должен был пойти в школу, пропала их корова Зойка и они с отцом и двоюродным братом Аскером ее искали, а нашли только под утро. В 8-00 все сельские мальчишки и девчонки собрались в школьном дворе на торжественную линейку, не было только Карима, по-

тому что он спал почти в обнимку с Зойкой, и матери было жалко его будить.

«Свой первый звонок, получается, я проспал», – подумал Карим и достал очередную сигарету. Ирония судьбы была еще и в том, что Карим проспал и свой последний школьный звонок. А вместе с ним и выпускные экзамены, и экзамены в техникум, куда собирался поступать. А дело было так. Поехал он как-то в мае на отцовском мотоцикле на реку Самур с сыном председателя сельсовета рыбу ловить. Конечно, это была не рыбалка, а самое настоящее браконьерство, и «рыбаков» уже по дороге домой остановил гаишник. Работник милиции, который жил от Карима через два дома, спросил сначала о правах, прекрасно зная, что прав у них отродясь не было. Потом заглянул в люльку, обнаружил еще трепыхавшуюся рыбу и предложил обоим проехать в райотдел для составления протокола.

Ну и проехали. Отпрыска председателя сельсовета, естественно, через два часа отпустили. А Кариму, между прочим, сыну местного милиционера, дали шесть месяцев исправительных работ за браконьерство. Так Карим «проспал» и последний звонок, и экзамены. Но за те полгода, что он отрабатывал четыре килограмма самурской рыбы, Карим успел получить две строительные специальности – каменщика и электрика, скопить 85 рублей и завести пятерых друзей родом «от Парижа до Находки». Когда же его отпустили, пришло время и воинский долг отдавать. Мать, накрывая на

стол по случаю проводов сына в армию, все время тихо, как молитву, повторяла:

– Только бы войны не было.

– Не болтай, они нас сейчас как огня боятся, – в очередной раз отвечал ей отец.

Через пять месяцев учебки под Читой Карима и еще троих ребят с Северного Кавказа, по причудливой армейской логике, направили служить в строительные войска недалеко от Калинина. Первые три месяца Карим возводил коровник какому-то генералу, а потом, переговорив с земляком – старшиной, устроился хлеборезом в солдатскую столовку. Так что через два года службы он вернулся повзрослевшим и слегка располневшим младшим сержантом.

Уже почти стемнело, когда Карим решил вернуться домой. Он бы и еще часа два просидел на этом камне, но сигареты закончились. Войдя в дом, Карим достал чемодан, с которым вернулся из армии, закинул в него первую попавшуюся под руку одежду и вышел на улицу. Пару минут простоял у калитки, будто не зная, куда идти, или обдумывая, не забыл ли чего захватить, а затем быстрым шагом двинулся к автобусной остановке.

Последний автобус ушел в город сорок минут назад. Карим направился к дороге. «До райцентра восемь километров, и, если никто не подберет, доберусь за полтора часа», – подумал он и рванул твердым армейским шагом. Опять пошел дождь, такой же мелкий и противный, как и тот, что шел

все эти дни. Дорожная грязь липла к сапогам, отчего те становились все тяжелей. Но Карим для себя уже все решил. Он будет жить в городе, будет учиться и работать, а дороги он никогда не боялся. Главное, думал он, – идти и не оборачиваться. И Карим не обернулся. Ни разу.

В апреле 81-го Карим уже учился на втором курсе механического техникума и говорил почти без акцента. Жил он в общежитии главного в Каспийске завода, причем последние полгода один в комнате для двоих. За такую неслыханную привилегию платил Карим коменданту по три рубля в месяц и был несказанно горд своим положением. Учился Карим средне, общественные поручения выполнял по большим праздникам, спортом не интересовался. Вот только занятия никогда не пропускал. Идти с утра все равно было некуда, а сидеть одному в общаге скучно. Соответственно и преподаватели по отношению к нему настроены были миролюбиво. Все свободное время Карим проводил в заводском клубе. Оттачивал мастерство игры на ударной установке. Уже четыре месяца как его приняли в основной состав клубного ВИА «Морские просторы». В глубоком детстве стучал Карим карандашами по ведрам и кастрюлям, представляя себя музыкантом-ударником. «Медляки» ему никогда не нравились, это все – для девчонок, а Кариму нужен был ритм, драйв, энергетика. И звук, чем громче, тем лучше. И вот мечта сбылась! Каждые пятницу и субботу с 7 до 11 вечера вокаль-

но-инструментальный ансамбль играл на танцах в клубе, за что Карим получал свой честно заработанный червонец. В месяц выходило 80 рублей, а вместе со стипендией аж 105! И никаких тебе вычетов за бездетность. Слегка напрягали только 15 копеек комсомольского взноса.

Воскресенье его партеры по музыкальному бизнесу проводили в махачкалинских кабаках. Карим в этих застольях принял участие только однажды. Ему не понравилось. В понедельник утром он не смог встать на занятия, не смог вспомнить, где он был, а главное – никак не мог понять, куда делась заработанная за последние два танцевальных вечера двадцатка. Он лежал на кровати, каждые пятнадцать минут отпивал глоток рассола из трехлитрового баллона с домашними соленьями и постепенно вспоминал, как и где провел вчерашний день. К обеду он уже полностью восстановил в голове картину. Когда ему окончательно полегчало, достал из-под матраца деньги и пошел в сберкассу открывать первый в своей жизни счет. Уже через сорок минут он держал в руках сберегательную книжку, в которой аккуратным женским почерком была сделана запись: «Вклад до востребования. Приход 90 рублей».

В это воскресенье большая часть ВИА направилась по привычному маршруту, а Карим сел в желтый ПАЗик и поехал в гости к старшему брату в Дербент. Этот город на границе советской России и советского же Азербайджана отли-

чался от Каспийска примерно так же, как проходная завода отличается от входа на стадион. Люди вроде бы одни и те же, а настроение совсем другое. Если Каспийск был город-труженик, то Дербент был город-праздник. К началу 80-х Каспийск стал самым чистым и ухоженным в Дагестане, но как две капли воды походил на другие молодые города СССР. А Дербент с его двухтысячелетней историей был не похож ни на какой другой. По крайней мере так казалось нашему студенту.

Карим вышел на «кольце», от которого лучами в разные стороны расходились дороги, купил в гастрономе килограмм конфет «Гусиные лапки» и направился по единственному в городе проспекту к дому брата. Было почти по-летнему тепло, где-то рядом пела и плясала дербентская свадьба, а на лавочках в сквере играли в шахматы старики в больших серых кепках.

Джамал, старший брат Карима, последние десять лет жил в Дербенте. Трудился он в СМУ крановщиком. Еще в армии Джамала приняли в партию, а уже на производстве его выдвинули депутатом городского Совета. Работал Джамал шесть дней в неделю, к спиртному был равнодушен и в связях, порочащих его, как говорится, замечен не был. Его портрет третий год висел на районной Доске почета, а в прошлом году от предприятия ему выделили двухкомнатную квартиру на третьем этаже пятиэтажного дома из пиленого дербентского камня.

Четыре года назад Джамал женился. Дважды. Причем в течение одной недели. Эта уникальная история развивалась следующим образом. Отец засватал Джамалу девушку. Жених приходился невесте троюродным братом. Три с половиной месяца две семьи одного большого рода готовились к свадьбе. Гостей на ней было человек пятьсот. Когда трехдневные торжества закончились, Джамал понял, что его молодая жена выдана за него насильно. Уже полтора года она влюблена в одноклассника Сабира, но сказать об этом отцу или матери не решалась. На пятый день он понял: так жить нельзя, собрал все ее вещи и за руку привел обратно в родительский дом. Скандал раздувать не стали, а Джамал в тот же день направился к другой своей односельчанке Джамиле.

– Джамиля, нужно поговорить, – глядя прямо в глаза девушки, сказал Джамал. – Я хочу на тебе жениться.

– Ты что, решил гарем завести?

– Нет. С ней я уже развелся. Вот печать. – Джамал показал девушке паспорт. – Мать дома?

Мать была дома. Более того, все это время она стояла под дверью и слушала их разговор. Поскольку Джамиле было уже двадцать четыре года – возраст для сельской девушки почти критический, новая теща, попросив для приличия один день на раздумья, согласилась. Отца у Джамили не было.

Вторую свадьбу сыграли ровно через неделю после первой. Гостей на ней было несколько меньше. Всего четверо. Друг Джамала, двоюродный брат, председатель сельсовета,

оформивший паспорта, и младшая сестра Джамили, которая была свидетельницей со стороны невесты.

Остальные четыреста девяносто шесть гостей с первой свадьбы так до сих пор и думают, что Джамал живет в счастливом браке, свидетелями зарождения которого они были.

…Когда Карим постучал в дверь старшего брата, Джамала уже не было. Открыла Джамиля. Она не очень любила гостей, особенно в воскресенье днем, но Кариму была искренне рада. Джамал, как выяснилось, еще с утра ушел на свадьбу к одному строителю из его СМУ и вернется, скорее всего, поздно вечером. Минут за двадцать Карим рассказал Джамиле все свои нехитрые новости, пару часов поиграл с племянниками и, пообещав приехать в следующие выходные, отправился на автостанцию, чтобы к вечеру вернуться в Каспийск.

Как всегда в воскресный вечер, народу на дербентской автостанции было много. Вереницей подъезжали желтые ПАЗики и красные венгерские Икарусы, высаживали пассажиров, набирали новых и, не задерживаясь, отправлялись в очередной рейс. Карим подошел к кассе, понял, что стоять ему в очереди не меньше часа, но покорно встал за невысокой девушкой в сиреневом сарафане. Лица ее он не видел, только тонкие плечи и худенькую спину и от нечего делать, стараясь занять себя чем-то, стал придумывать этой «спине» биографию:

«Лет, скорее всего, девятнадцать. Может быть, двадцать.

Студентка. Была в Дербенте у родителей, а теперь едет в Махачкалу, чтобы в понедельник не опоздать к первой паре. Интересно, где она учится? Мединститут. Сейчас все девушки врачами хотят быть. Зачем нам столько врачей? А может, в сельхозе? На ветеринарном. Нет, для сельскохозяйственного она слишком легкомысленно одета. А для меда слишком простенько. Сарафан деревенский какой-то. И цвет – непонятно-сиреневый».

Пока он так рассуждал, подошла ее очередь.

– На ближайший до Каспийска один билет, пожалуйста.

Карим слегка обалдел.

– Мне тоже, – сказал он в окошко, на что получил вполне логичный ответ.

– Что тебе тоже?

Купив билет, Карим пошел к автобусной остановке. Девушки там не было. Карим решил, что билет она брала не для себя. Купила, наверное, какому-нибудь дедушке старенькому, передала ему билет и домой пошла. Придется теперь с дедом на одной скамейке до Каспийска два часа «пилить».

В автобус Карим проскочил первым. Сел на свое место и уставился в окно. ПАЗик постепенно заполнялся пассажирами, Карим продолжал смотреть сквозь грязное стекло автобуса на привокзальную площадь. Сам того не осознавая, он искал глазами эту девушку. Может, все-таки билет она купила для себя, а не для кого-то другого. И почему я решил, что…

– Здесь можно сесть?

Это была она. Карим молча закивал и тут же демонстративно уставился в окно. Больше всего его поразило даже не то, что она едет в Каспийск, а то, что лицо ее показалось очень знакомым. Даже почти родным. Ну где, где я мог ее видеть? Может, спросить? Нет, подумает, я к ней клеюсь. Сам вспомню. А не вспомню, значит, показалось. Так бывает. Смотришь на человека и думаешь: где-то я его уже видел. А на самом деле тебе так только кажется. И не видел ты этого лица никогда в жизни. И она просто похожа на мою троюродную сестру. Точно, на Аиду похожа. Карим ерзал на своем месте минут сорок. Они уже полдороги проехали, когда он не выдержал.

– Извините, пожалуйста, и не подумайте ничего такого. – Карим пытался вспомнить, как говорят вежливые люди. – Я никак не могу понять, я вас уже где-то видел или вы просто похожи на мою сестру?

– А что, Карим, я так сильно изменилась?

… Это случилось в декабре 73-го года. Карим с друзьями шел из школы. Они о чем-то спорили. И вдруг мальчишки увидели, что навстречу им бежит девочка лет двенадцати, а за ней несется собака. Огромная кавказская овчарка. В селе ее знали все. Это была собака чабана Шахмардана. Говорят, однажды она задрала ночью двух волков, пытавшихся стащить шахмардановскую овцу. Зная ее бешеный характер, чабан всегда держал собаку на привязи, но сегодня ее, види-

мо, кто-то отпустил. Девочка бежала молча. Она не плакала, не звала на помощь, но было видно, что силы ее уже покидают и собака вот-вот настигнет ребенка.

Мальчишки бросились за ними. Быстрее всех бежал Карим. И в тот момент, когда овчарка была готова сомкнуть челюсти на ноге девочки, он ее догнал. В облаке дорожной пыли летели они к реке в обнимку друг с другом. Там их и растащили.

Девочку звали Карина. Несколько месяцев отходила она от испуга. Говорила, сильно заикаясь. Отец два раза в неделю возил ее в город на обследование, лечение и занятия с логопедом. И почти так же часто он ходил в дом к отцу Карима с благодарностями. Ну а потом все пришло в норму, Карина стала говорить еще лучше, чем до встречи с собакой, и эта история стала в селе потихоньку забываться.

Карина

Директору Каспийского механического техникума Калаеву С.В.

От учащегося второго курса Джандарова К.А.

Прошу Вас освободить меня от участия в первомайском параде в составе колонны комсомольцев Каспийского механического техникума по семейным обстоятельствам.

У сельского судьи Низама Балабекова, почти как в сказке, было три дочери. Нарекали их в честь живых и умерших старших родственниц исконно дагестанскими именами. Первую назвали, как и положено, в честь матери Низама – Калимат, второй дали имя его бабушки – Рукият, третья носила имя тещи Низама – Санжа. Когда жена родила четвертую, горе-отец взял в сельпо три поллитровки, буханку хлеба, кусок овечьего сыра и ушел в горы. В селе его не видели несколько дней. А когда он вернулся, дома его ждали уже не три, а четыре красавицы-дочки, перепуганная жена и девяностолетняя мать, которая и контролировала все домашние процессы. Девочку жена назвала Кариной, это имя ей нравилось всегда.

Карина? Хорошо, пусть будет Карина. Ему все равно. Поздравляли Низама друзья и родственники как-то тихо, в глаза не смотрели и про бракодела почти не шутили. Первый

раз Низам к люльке младшей дочери подошел через месяц, на руки взял через полгода, и то только потому, что мать сказала ему на родном и понятном языке «пару ласковых».

Прошло пять лет. И как-то незаметно Карина стала любимой папиной дочкой. Если Низам дома – Карина за ним хвостиком. Летом он брал ее с собой на рыбалку, зимой таскал на работу. В 68-м Низаму пришлось уехать на три месяца в Москву на учебу. Первые две недели Карина перед сном устраивала форменные истерики и требовала папу. Тогда жена Низама придумала писать папе письма. Большими печатными буквами Карина старательно выводила: «ДАРАГОЙ ПАПА ПРИЕХАЙ СКАРЕЕ» – и засыпала с карандашом в руках. Если бы у старших сестер было свободное время, они обязательно стали бы ревновать отца к младшенькой. Но многочисленные коровы, овцы, куры, большой дом требовали постоянного внимания и заботы, и ревновать им было просто некогда.

Карина выросла, ей предстояло закончить выпускной класс, она мечтала поступить на юридический, чтобы стать юристом, как папа. Две старшие сестры уже вышли замуж, третья вдумчиво, советуясь с родителями, выбирала из нескольких претендентов на ее руку достойную кандидатуру, а Карина не думала ни о чем, кроме учебы. По решению отца она была освобождена от всех домашних дел и после школы почти сразу садилась за уроки. За последние полгода уже трижды приходили к Низаму сваты, но, когда он вдруг

понимал, что речь идет о Карине, в его голосе начинала звенеть сталь, и испуганные гости уходили ни с чем. Последний раз Низам отказал парламентерам первого секретаря райкома партии, чем спровоцировал поток гневных речей дорогой супруги. Тогда Низам вызвал к себе Карину и строго-настрого запретил ей ходить на свадьбы односельчан и вообще «слоняться по улице без дела». Карина обиделась. Она и так почти нигде не бывала.

Школу Карина окончила с золотой медалью. Вместе с отцом приехали они в Махачкалу, подали в университет документы и вечером вернулись в село. К вступительным экзаменам Карина не готовилась. Она и так знала предметы «на шесть», как говорил отец. Несколько раз жена пыталась заговорить с Низамом, мол, неплохо было бы «подстраховаться», но он и слушать этого не желал. Во-первых, не станет он никого просить. Даже за родную дочь. Во-вторых, она сама поступит, «не то сейчас время».

Как золотой медалистке, ей предстояло сдать один экзамен. Карина не нервничала, работу писала уверенно, обдумывая каждое предложение. На все три вопроса экзаменационного билета подготовила короткий, но содержательный ответ. Комиссия из четырех серьезных профессоров тоже не напугала ее. На все дополнительные вопросы отвечала спокойно и по существу. «Мучили» ее недолго, через час улыбающаяся Карина уже спешила навстречу отцу.

– Справилась?

– Ты во мне сомневаешься? Мороженое хочу!

Они прошли мимо ЦУМа, потом через площадь Ленина спустились к набережной. По дороге Низам рассказал дочке, что уже подыскал ей однокомнатную квартиру недалеко от университета и даже успел переговорить с одним махачкалинским судьей. Тот обещал через год взять Карину к себе помощницей. Под перестук колес проезжающих поездов отец и дочь ели тающее мороженое в открытом кафе на балконе Аварского театра и болтали ни о чем. Вечером Низам уехал в село, а Карину на первое время пристроил к своей двоюродной сестре. Она работала врачом в роддоме на улице Батырая и жила с мужем и двумя маленькими сыновьями в трехкомнатной квартире на углу улиц Кирова и Калинина. Конечно, это очень далеко от центра, целых 20 минут на троллейбусе или автобусе. Зато не у чужих людей, а у родни.

Утром тетя Нажабат вела мальчишек в детский сад, а сама шла на работу. Ее муж ученый – археолог на все лето уехал в экспедицию искать в горах артефакты древней цивилизации. Так что целый день Карина была предоставлена самой себе, разве что к пяти ей нужно было забирать братьев из садика. Вечером они все вместе ужинали, и Карина делилась с тетей впечатлениями от Махачкалы.

Две недели совершенно беспечной городской жизни пролетели, как два часа. Карина быстро освоилась, разобралась с маршрутами городского транспорта и уже помогала многочисленным туристам со всех уголков Советского Союза най-

ти рынок или улицу Пушкина. Этим утром она должна съездить в университет и убедиться, что стала студенткой юридического факультета.

Сначала плакать ей не хотелось. В пятый раз пробегала Карина глазами по списку от А до Я и в пятый раз не находила своей фамилии. Она решила, что произошла какая-то ошибка и даже нашла среди поступивших на филологический свою фамилию – Балабекова. Но это была не Карина, а какая-то Фируза. Она поняла, что сейчас вот-вот расплачется и отошла от стенда. Самая несчастная девушка на свете не знала, что делать и куда идти. Ей казалось, что мир сейчас уплывет у нее из-под ног. Она нашла неподалеку скамейку и села на краешек. Подошел какой-то парень.

– Вам плохо?

– Нет, нет. Все нормально.

«Нужно срочно позвонить отцу, – подумала Карина. – Он сейчас должен быть в суде».

С трудом сдерживая слезы, она пошла, нет, почти побежала на переговорный пункт. Ждать пришлось недолго, с селом ее соединили через пятнадцать минут, но на другом конце провода ответили, что Низам Магомедович сейчас на процессе и ей лучше перезвонить часа через два.

Карина вышла на улицу. Постояв минут пять, она вернулась домой, собрала вещи, написала записку тете Нажабат: «Я не поступила. Ключи у соседей» и поехала на автостан-

цию, чтобы успеть к последнему рейсу в райцентр.

Автобус подъехал, как только она подошла к остановке. Карина вошла, протянула билет водителю и села на свое тринадцатое место. За ней оживленно беседовали двое молодых парней.

– Отучусь один год, потом армия, потом еще два года, и все. Начну работать. Зарплата минимум двести пятьдесят. Дипломированный рабочий. Это вам не хулиган с лапшеедки.

Завод у них военный, вторая форма секретности. Кого попало не возьмут.

– Ты так говоришь, будто тебя уже приняли. Слышал, что директор сказал? Два человека на место. Конкурс! Три экзамена сдавать. Нет, я в этот техникум не сунусь. Лучше в ПТУ пойду.

Карина обернулась, спросила у ребят, берут ли в техникум девушек. Те с энтузиазмом ответили, что такую красавицу куда угодно возьмут. Карина поблагодарила и выскочила из автобуса.

Впервые в жизни Карина принимала серьезное решение сама и была уверена в правильности своего выбора. Когда она вернулась в квартиру, тети еще не было. Записка лежала там же, где она ее оставила. Карина перечитала ее, на секунду задумалась и приписала «…со мной все хорошо, искать меня не нужно. Позвоню». Удивляясь своему спокойствию,

она аккуратно прикрыла за собой дверь и направилась к каспийской остановке.

Увидев документы Карины, председатель приемной комиссии спросил, уверена ли она, золотая медалистка, что хочет поступить именно в это учебное заведение? Ах, так? Уверена? Ну, тогда ей достаточно пройти собеседование.

8 августа 1978 года в 15 часов 30 минут Карина уже была учащейся механического техникума славного города Каспийска. Через неделю она должна была явиться на факультет, откуда всем первокурсникам предстояло направиться на виноградники в Хасавюртовский район.

Объясняться с родителями она не хотела, но уведомить, что с ней все в порядке было необходимо. Пожилая угрюмая телеграфистка отстучала «срочную»: «Поступила техникум тчк все нормально зпт живу общежитии тчк Карина».

Низам примчался на следующий день. Причем не один. С ним были жена и две старшие дочери с мужьями.

– Послушай, Карина, – начал разговор отец, – дагестанский университет – один из лучших на Кавказе. Поступать в него приезжают со всей страны. Конкурс огромный, особенно на юридический.

– Я понимаю.

– Подожди, не перебивай меня. Ты не поступила с первого раза. Это бывает. Никто не застрахован от ошибок. Ты, как и все, имеешь право на ошибку. Сейчас мы поедем домой…

– Нет.

– …Мы поедем домой, ты отдохнешь. В сентябре, как мы и договаривались, ты пойдешь работать в суд. С Мурадом Магомедовичем я поговорю.

– Нет, папа. В село я не вернусь. И из техникума документы не заберу. Пойдемте, я лучше покажу вам свою комнату.

Низам понял, что дальнейший разговор бесполезен. Он слишком хорошо знал свою дочь.

– Я хочу, чтобы ты помнила: на помощь семьи можешь рассчитывать всегда, но надеюсь, она тебе не понадобится.

И Низам пошел знакомиться с директором техникума.

Свадьба

У меня все отлично. На прошлой неделе купил новые барабаны. Немецкие. Помнишь Аркашу Катульского из четвертой роты? Рыжий такой. Он теперь в Москве большой человек. Заместитель директора музыкального магазина. Я его попросил, и он прислал. Красавчик!

Недавно познакомился с одной девчонкой. Она из нашего села. Симпатичная. И ведет себя вроде правильно. Я потом тебе фотку пришлю.

Больше писать особо нечего. Передавай дагестанский салам своим родителям. Летом в гости приезжай.

Твой армейский друг Джандаров К.А.

Они жили в одном городе, учились в одном техникуме, проходили практику на одном заводе в одно и то же время, но ни разу не встретились. Их дороги сошлись на дербентской автостанции в конце апреля 1981 года, чтобы уже не разойтись никогда.

Утром он ждал ее у общежития, вместе они шли в техникум, а когда занятия заканчивались, он уже торчал у дверей аудитории. Репетиции ансамбля Карим забросил. По выходным на танцах не играл. Замену ему нашли быстро, но Карим и не думал переживать по этому поводу. Каждое воскре-

сенье ровно в 8 утра он с букетом стоял под окнами Карины и ждал, пока она проснется, умоется, накрасится и выйдет. Они шли на автостанцию, а оттуда на такси мчались в Махачкалу, чтобы там сходить в кино или погулять в парке. Весь четвертый этаж женского общежития, где жила Карина, питался тем, что приносил Карим. Карина пыталась сопротивляться этому «аттракциону неслыханной щедрости», однако, быстро поняв всю бесперспективность борьбы, молча принимала сумки и распихивала продукты по трем холодильникам. В один прекрасный день она все-таки не выдержала и, будто бы в шутку, сказала:

– Для студента техникума у тебя слишком много денег, надеюсь, ты по ночам сберкассы не грабишь?

Карим ждал этого вопроса и вместо ответа за руку притащил ее в клуб. Сев за ударную установку, он выдал десятиминутное соло на барабанах.

– Если бы по выходным ты ходила на танцы, мы бы встретились гораздо раньше, и сейчас не было бы дурацких вопросов про сберкассу. И вообще, я тут подумал, – Карим замолчал и после небольшой паузы продолжил, – давай поженимся.

Через неделю Карина приехала домой и, бросив в угол сумку, прямо с порога, торжественно, как Левитан, сообщила:

– Первое! (пауза) Я закончила техникум. Второе (пауза) – я выхожу замуж!

Низам зачем-то снял очки, сел на диван и тихо, без надежды на ответ, спросил:

– А что, в советской стране дипломы выдают только вместе со свидетельством о браке?

– Нет, папа. В советской стране диплом еще можно получить и без свидетельства. Ты лучше спроси: кто жених?

– А стоит ли… Все равно выйдешь за него. Даже если я трупом лягу на пороге этого дома.

– Стоит, стоит, – театрально хватаясь за сердце, вмешалась в разговор Патина – жена Низама. – Может, Аллах сжалится над нами, и этот парень окажется приличным человеком из хорошей семьи.

– Все не так плохо, мама. Этот парень вам хорошо знаком. Это Карим, сын Альдера Магомедовича.

Низаму стало немного легче. Карима он знал с детства, да и историю с собакой в доме не забыли. Конечно, не о таком женихе для любимой дочери он мечтал. Но после того, как она поступила в техникум и три года прожила в Каспийске, не обращаясь к родным за помощью, Низам смирился с мыслью, что и жениха Карина выберет самостоятельно.

… Отец Карима уже четвертый год жил в своем доме один. Сыновья разъехались, жена умерла. Но упрямый старик отказывался переезжать поближе к сыновьям и внукам.

– Кому я оставлю этот дом, куда вы приедете, чтобы похоронить меня? – отвечал он на очередное предложение переселиться к старшему сыну. – Да и не смогу я жить в город-

ской квартире, мне воздух нужен, горы.

И его оставили в покое. Старшие братья Карима по очереди приезжали в гости. Раз в год на праздник Ураза-Байрам съезжались все вместе, с женами и детьми. Дом наполнялся мужскими разговорами, женским смехом, детским криком.

Альдер сидел на своем любимом диване и, поглядывая на внуков, тихо улыбался в пушистые седые усы. И только Карим никогда не приезжал. Первое время еще звонил, оправдывался, пытался найти какие-то отговорки, а потом и это перестал делать.

О том, что Карим собирается жениться, отец узнал от соседей. Они же сообщили старику, кто невеста его сына. Тогда он надел свой единственный костюм со всеми орденами и медалями и направился к дому Низама.

– Я слышал, к сожалению, от посторонних людей, что мой Карим хочет жениться на твоей дочери. В другом случае я должен был бы хвалить своего сына и просить тебя не отказать нашей семье. Но ты не хуже меня знаешь, что Карим не был в своем доме с тех пор, как вернулся из армии. Не могу сказать, чем я его обидел и почему он не приезжает. Не знаю, как он живет и что делает. А потому я не смею просить тебя отдать Карину за моего сына. Ты вправе отказать мне, я сейчас уйду и никогда не буду держать на тебя зла. Да я, собственно, пришел к тебе, Низам, не с просьбой, мне никто и не поручал сватать твою дочь за моего Карима.

Слушая Альдера, Низам стоял у окна и перебирал четки.

Когда тот закончил говорить, Низам еще минуты две молчал. Потом прошелся по комнате из угла в угол, сел напротив Альдера и сказал:

– Альдер, Аллах не дал мне сыновей. У тебя нет дочери. Вряд ли мы когда-нибудь поймем друг друга. Во всяком случае, до конца. Я тоже не знаю, чем сейчас занимается в городе твой сын. Слышал, что не очень хорошими делами. Но я очень хорошо помню тот день, когда Карим не испугался собаки Шахмардана. Я также помню, кто его родители и каким мальчиком он был до того, как уехал в армию.

– Каким? – неожиданно спросил Альдер.

– Я отвечу тебе. Добрым, честным, мужественным, трудолюбивым. Говоря по правде, я бы хотел для своей дочери другого мужа. – Тут Низам вздохнул, вспомнив, каким завидным женихам он отказал. – Однако раз уж они встретились, полюбили друг друга, я не возражаю. Давай Альдер выпьем за наших детей, и пусть их жизнь будет лучше, чем наша.

Быстро соорудили стол, закуску. Достали бутылку. Новость о том, что у Низама скоро свадьба, молнией разлетелась по округе. Потихоньку дом наполнился людьми. Через два часа за семиметровым столом уже расположились человек двадцать. Альдер сидел рядом с Низамом и все время молчал. Зато Низам не умолкал ни на минуту. Такое за ним водилось. Все знали его характер – если Низам выпивает, добрее, веселее и общительнее человека в селе не найти. Ко-

гда застолье было в самом разгаре, Низам встал, постучал вилкой о граненый стакан, добиваясь полной тишины, и начал говорить:

– Когда моя жена принесла в этот дом четвертую дочь, я не хотел их обеих видеть. Многие из вас сидели за этим столом двадцать лет назад и понимают, о чем я говорю. Сейчас я не променяю свою Карину и на тысячу сыновей. Эта девочка для меня все. Она моя жизнь. Все знают, что я не раз отказывал сватам. Приходили из нашего села – я отказывал. Приходили из райцентра – отказывал. Приходили из Махачкалы – отказывал. Один папаша прислал гонцов из Ленинграда. Его сын там в Смольном работает. Он думал, я при виде такого жениха растаю. Но я отказал и ему. Вы спросите меня, почему я им всем отказывал? Нет, вы спросите, спросите!

Дождавшись нестройного многоголосого «почему?», Низам продолжил:

– Каждый раз я приглашал в эту комнату Карину и спрашивал ее: «Ты замуж за него хочешь?» Она отвечала: нет! Я говорил гостям: извините, до свидания. Да, возможно, мое поведение покажется вам странным. Да, наши родители за нас определяли, кому, когда и на ком жениться. И почти никогда не ошибались. Но моя Карина не такая, как все! Ее не загонишь в рамки наших обычаев. С ней можно только договориться. Сегодня я твердо знаю: Карина сделала свой выбор. Да, она не советовалась ни со мной, ни со своей матерью. Но это ее выбор. И я его уважаю. Если кто-нибудь из вас

знает причину, по которой я не должен отдавать свою дочь за Карима, лучше скажите сейчас. Потом держите языки за зубами.

Тишина нарушена не была. Низам окинул стол тяжелым взглядом.

– Я и не сомневался. Альдер, твой сын всегда был и остается порядочным человеком. Я не знаю, почему он не приезжает домой, надеюсь, теперь приедет. Я пью за наших детей, я пью за их счастье. Такое же большое, как наши горы, и такое же светлое, как наше небо. Аминь!

Свадьбу решили играть в Каспийске. Так захотели Карим и Карина. Местом для ее проведения выбрали небольшое уютное кафе «Встреча» на улице Ленина. Все свадебные хлопоты Карим возложил на жену старшего брата Джамилю. Он передал ей пятьсот рублей, предупредив, чтобы никому о происхождении денег не говорила. Пусть думают, что Джамал помог.

Поскольку Кариму нужно было еще доучиваться в техникуме, Низам снял для них на год однокомнатную квартиру.

Карим никак не мог решиться позвонить отцу. Каждый раз обещал сам себе сделать это завтра, а потом искал причину, чтобы перенести разговор еще на один день. Когда до торжества оставалась неделя, отцу позвонил Джамал.

– Спасибо, сынок, что про меня все-таки вспомнили.

– О чем ты говоришь, папа, что значит «вспомнили»? Я

вообще думал, что ты знаешь, и позвонил просто так. Узнать последние новости.

– А где наш жених? Почему он сам мне не звонит, если уж приехать не может?

– Не знаю. Бегает где-то. Ты же знаешь Карима. Если что-нибудь себе в голову вбил, его не переубедишь. Увижу, скажу, чтобы позвонил.

– Ты ему вот что скажи. Если он хочет видеть на свадьбе своего отца, пусть приедет сюда и как мужчина сам все скажет.

Джамал услышал короткие гудки. Домой он пришел угрюмый и раздраженный. Джамиля не стала у него ничего спрашивать. Понимала: если захочет, сам расскажет. Она принесла ему в комнату чай и села перед телевизором. Выпив подряд три стакана, Джамал начал разговор:

– Не понимаю я Карима. Три года дома не был. Отца о свадьбе не предупредил. Ведет себя как обиженный на всю планету. Даже со мной разговаривает, будто одолжение делает. Доиграется, останется один в этом мире. Ты же с ним общаешься иногда, может, сумеешь объяснить, что с ним происходит?

И Джамиля рассказала Джамалу то, до чего он и сам прекрасно мог бы додуматься, если бы хоть раз взял на себя труд свести вместе факты, обрывки разговоров с братом и его нежелание говорить на, казалось бы, невинные темы – защищенность, безусловность родительской любви, доверие.

Теперь, когда мысль была оформлена в слова и предложения, ему все стало ясно.

В неполных восемнадцать лет Карим получил срок. Небольшой. Всего шесть месяцев. Отец на суд не пришел. Ему, человеку в погонах, было стыдно перед односельчанами, что его родной сын нарушил закон. Такие были времена. Карим до последнего был уверен, что следствие, протоколы, дознание, суд – все это не настоящее. Он же ничего не украл, никого не убил. Ну, подумаешь, рыбу сетями ловил. И только когда в зале суда он услышал: «шесть месяцев исправительных работ в колонии-поселении», понял: жизнь началась. Взрослая жизнь. Уже там, в зековском поселке Нюмыд Усть-Кулонского района Коми АССР, люди, с которыми судьба сталкивала его в эти полгода, научили Карима их главному закону: «не верь, не бойся, не проси». И Карим взял этот принцип на вооружение и дальше по жизни решил идти самостоятельно. Чего бы ему это ни стоило.

Когда все решили, что отец на свадьбу не приедет, на пороге дома, где предстояло жить Кариму и Карине, появился Альдер. Сына дома не было, а в квартире шла генеральная уборка. Швабрами и тряпками орудовали Карина и Джамиля. Альдер поздоровался с Джамилей, подошел к Карине. Долго смотрел на нее. Карина не знала, что нужно делать и говорить в таких случаях. Она просто молчала и смотрела в пол.

– Ну, здравствуй, дочка. Теперь у тебя два отца. Не воз-

ражаешь?

– Нет, конечно, дядя Альдер.

– А где Карим?

– В Махачкалу поехал. Ему там шампанское обещали. Два ящика.

Альдер молчал. Повисла тяжелая, плотная тишина. Карина крутила в руках маленький кусок ткани. Подошла Джамиля, молча вытянула из рук Карины эту тряпочку и вышла из комнаты. Альдер заговорил снова:

– Плохо, что не застал его. Мне ехать надо. Я вам тут привез. Где же они у меня? А, вот, нашел, кажется. Деньги. На свадьбу. 160 рублей. Купите себе подарок. Я сам не знал, что вам нужнее. Деньги привез. 160 рублей. Кариму скажи, все хорошо у меня. Нет, ничего не говори.

И Альдер заспешил в обратный путь. Остановить его Карина не сумела.

Свадьба была типичной комсомольско-молодежной, в ЗАГСе им говорили что-то про моральный облик строителя коммунизма и необходимость крепить семью – ячейку советского общества. Колец у них не было. Зато вместо марша Мендельсона его друзья-музыканты вживую сыграли и спели песню:

Обручальное кольцо —
Не простое украшенье.

Двух сердец одно решенье,
Обручальное кольцо…

После кафе все отправились в гости к молодоженам. Неизвестно, как в восемнадцати метровой комнате поместились сорок человек. Друзья Карима требовали хинкал, и Карина с помощью трех подруг к двум часам ночи его мужественно приготовила, за что в ее честь провозгласили сто пятнадцатый тост. К этому времени Карина уже начала гостей тихо ненавидеть. К пяти народ вспомнил, что здесь все-таки свадьба, и стал понемногу расходиться.

Оставшись, наконец, одни, Карим и Карина достали из тумбочки большой целлофановый пакет и высыпали из него кучу смятых купюр разного достоинства. Эти деньги они танцами заработали в кафе несколько часов назад. Теперь предстояло подсчитать, что на них можно купить. На это дело ушло еще два часа. Первую брачную ночь решено было перенести на вторую.

Весь день по телевизору передавали классическую музыку. «Лебединое озеро» сменил Второй концерт Рахманинова, за которым сразу шел Бетховен. А в 21–00 в программе «Время» диктор трагическим голосом зачитал:

– Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубокой скорбью извещают партию

и весь советский народ, что 10 ноября 1982 года в 8 часов 30 минут утра скоропостижно скончался Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев.

Карина сидела на полу перед телевизором и держала в руках стакан с теплым молоком. Карим устроился в кресле. Пока шло сообщение о скоропостижной кончине пламенного борца за мир, они не проронили ни слова.

– Что-то мне не очень хорошо, Карим. Вези-ка меня в больницу.

Через три часа усталый доктор с покрасневшими глазами вышел к Кариму и пробурчал:

– Поздравляю, папаша. Девочка у тебя. Хорошая, здоровая девочка. Все в порядке.

И доктор вернулся к пациентке.

Карим вышел на улицу. Шел не то дождь, не то мокрый снег. Два часа ночи, транспорта никакого, а до дома километра три. Он решил вернуться в больницу. Санитарка пустила его в приемный покой, напоила чаем, и уставший, но счастливый Карим уснул сидя на стуле. Ему приснилось, что у него родился мальчик и на комсомольском бюро его агитируют назвать сына Леней – в честь умершего Леонида Ильича. Проснувшись, Карим окончательно понял, как ему повезло.

Страна оплакивала «страшную потерю». А в квартире Ка-

рима тихо, чтобы не слышали соседи, праздновали рождение дочери его друзья, братья с женами и тесть с тещей. В самый разгар застолья Низам шепнул Кариму:

– Пойдем-ка перекурим.

Они вышли в подъезд. Закурили. Раньше Карим стеснялся курить на глазах у старших. А тут как-то все само собой вышло. Тесть протянул сигарету, а он не отказался.

– Что дальше думаешь делать? Нужно как-то жизнь устраивать. У тебя семья все-таки. Техникум закончил, на работу не выходишь. Статью за тунеядство у нас еще не отменили.

– На завод я не пойду.

– Будешь всю жизнь на барабанах по свадьбам играть?

– Я учиться хочу. В следующем году буду в университет поступать.

– Уверен, что поступишь?

– Переговорю с кем нужно и поступлю.

Через пять дней маленькая Алина уже пищала в съемной квартире на окраине Каспийска. Первые две недели ничего не умеющей маме помогала Джамиля. Потом они остались втроем, и началась обычная жизнь молодой советской семьи.

На работу Карим так и не вышел. Весь день он сидел дома. Вечером куда-то уходил и возвращался поздно ночью. Карина не задавала ему лишних вопросов. Так продолжалось три месяца. Однажды она наткнулась на его записную книжку. Часа четыре боролась с желанием в нее заглянуть, а когда

женское любопытство победило родительскую заповедь «не трогать чужого», она все равно ничего не поняла. Вся книжка была исписана короткими записями.

Хорошее настроение – Дербент – Гаджи – 10 октября – 30

Морской прибой – Махачкала – Магомед – 24 октября – 40

Парус – Избербаш – Зарема – 8 августа – 25

Магарамкент – Белиджи – Ильяс – 15 августа –20

Кавказ – Махачкала – Юсуп – 2 сентября – 40

В этот вечер Карим пришел в половине двенадцатого. Карина его дождалась.

– Я случайно прочитала твою записную книжку…

– Случайно прочесть записную книжку невозможно. Случайно ее можно найти. Хорошо, что ты ее нашла, я уже решил, что потерял в автобусе.

– Можешь объяснить, что означают эти записи?

– Думаю, тебе это будет неинтересно.

– Мне очень интересно, Карим. Объясни, пожалуйста.

– Ладно. Ты знаешь, я раньше играл в ансамбле. Сейчас не играю. Но дело в том, что я знаю всех музыкантов и все группы в Дагестане. Когда людям нужна музыка, они приходят ко мне, и я помогаю найти им ансамбль по душе и по карману. А за свои услуги беру небольшой процент. Вот смотри. «Хорошее настроение» – это они себя так называют. Дербент –

город, в котором состоится мероприятие. В данном случае – свадьба. Гаджи – имя человека, который эту свадьбу играет. Дочку замуж отдает. 10 октября, наверное, понятно. Это дата. 30 – это 30 рублей, которые я должен получить за свою работу. Вот и все.

– Тебя же посадят! У нас в стране люди получают зарплату за работу. Платит им государство. А посредничество – это как спекуляция. Ты должен все прекратить. Уж лучше мы будем жить впроголодь. Может, ты рассчитываешь, что, когда тебя возьмут с этой записной книжкой, вмешается мой отец?

– Полная фигня. Я даже на своего отца не рассчитываю, а на твоего тем более. И давай прикроем эту тему, уже поздно, а у меня завтра стрелка в 9-30.

Всю ночь Карина тихо плакала в подушку. Раз двадцать она мысленно собирала свои вещи и уходила. Потом говорила себе: «Это не выход», а через десять минут опять собирала вещи и опять уходила.

Утром у Карима действительно состоялась встреча. О ней уже три раза просил один гитарист из Махачкалы. Родители дали ему имя Мухтарпаша, но все звали его Мухой. Они встретились в сквере на набережной.

– Карим, в Махачкале есть три ресторана. Самый крутой – рядом с Приморским бульваром, недалеко от Аварского театра.

– Муха, я махачкалинские кабаки знаю неплохо. Давай

ближе к делу, мне к десяти на молочную кухню нужно успеть.

– Короче, там коллективчик лабает. Три аккорда – все творчество. Вот бы нам туда сесть. Мы сунулись было, но директор даже слушать не стал, выгнал из кабинета. Помоги, а?

– Без проблем. Сначала отдаете мне всю прибыль, пока я не верну то, что вложу в дело, ну а потом будете платить мне 25 % от дохода. Расчет – раз в неделю по вторникам. Как зовут этого крутого директора?

– Анвар Магомедович, кажется.

На следующий день Карим поехал в Махачкалу. Директора звали Мажид Магарамович. Карим с тремя крепкими каспийскими парнями, которым предварительно заплатил по червонцу, по-хозяйски вошел в маленькую приемную, протянул секретарше «Аленушку» и, оставив «группу поддержки» дожидаться, молча проследовал в кабинет директора.

За столом в костюме – тройке и при галстуке сидел директор ресторана. Прямо над ним висел портрет, с которого с прищуром смотрел на входящих Владимир Ильич Ленин.

– Ты кто? – спросил товарищ директор.

– Карим, Мажид Магарамович.

– Слышал, слышал о тебе, Карим. Что привело тебя ко мне, рассказывай.

– Вот хочу группу свою музыкальную перетащить в этот кабак.

– Невозможно, Карим. Что хочешь проси, только не это.

Я своих принял три месяца назад, за них просил Сам. – Директорский палец указал на потолок.

Карим достал из заднего кармана пачку купюр красного цвета.

– Здесь тысяча рублей. Плюс 25 % от прибыли. Договорились?

Директор даже вспотеть не успел.

– В субботу пусть приходят. Аппаратура у них есть?

– А хрен их знает. Я не сомневался, Мажид Магарамович, что мы договоримся. Этому, – Карим повторил жест директора с указательным пальцем, воздетым к потолку, – привет от меня.

На следующий день ВИА «Махачкала» был уволен с формулировкой «за низкий исполнительский уровень», а в субботу посетителям ресторана представили новый музыкальный коллектив.

Через неполные два года от Карима так или иначе зависели все, кто занимался музыкой. Одним он устраивал концерты, другим доставал импортную аппаратуру, третьим помогал с помещением для репетиций. До появления слова «продюсер» в СССР оставалось еще, как минимум, три года, а Карим уже вовсю стриг купоны со всего музыкального Дагестана.

Карина вышла на работу. Трудилась она на заводе «Дагдизель» инспектором в отделе кадров. Алину отдали в детский сад, где она, быстро освоившись, превратилась в бой-

кую смешливую девочку с большими зелеными глазами и двумя косичками, украшенными белыми бантами.

В 83-м году Карим поступил на заочное отделение филологического факультета Дагестанского государственного университета. Почему он решил стать филологом, и сам не смог бы ответить. Но учился с удовольствием. Тем более что среди сорока пяти заочников потока было всего двое мужчин – Карим и еще один парень из Касумкента, остальные – девушки. На втором курсе Карим был уже признанным лидером, и его закономерно выбрали старостой группы.

Декабрьским вечером 1986 года Карим пришел домой навеселе. Карина помогала Алине вырезать из фольги снежинки. Поцеловав супруга в щеку, Карина спросила, по какому случаю праздник. Вместо ответа Карим взял ее за руку и подвел к окну. За окном шел снег, тускло светила одинокая лампочка у входа в подъезд. И только девятая модель «Жигулей» ярко-красного цвета красовалась посреди двора, как нарядная дорогая игрушка. Не хватало только бантика на капоте.

– Наша. Завтра иду номера получать.

В советской стране в двадцать семь лет иметь собственную машину, да еще такую дорогую, считалось неприличным. Карина не понимала, радоваться ей или переживать. Она знала, что Карим давно мечтает о «своей тачке», и внутренне к этой покупке была готова.

– Надеюсь, ты будешь иногда нас на ней катать.

– Одевайтесь. Прямо сейчас и прокатимся.

Лидер

Салам алейкум, Курбан.

Ты прекрасно знаешь, как я не люблю, когда меня кидают. Твои проблемы – это только твои проблемы. На меня их переводить не нужно. Даю тебе еще одну неделю. Потом включаю счетчик.

Карим.

Перестройка! Гласность! Ускорение! Третий год страна носилась с идеями Михаила Горбачева. Третий год страна обалдевала от свободы слова, от возможности выехать за границу, от высказываний первой леди страны Раисы Максимовны. Прибалтика уже вовсю требовала полного суверенитета, а в Москве набирал популярность Борис Николаевич Ельцин.

Дагестан тоже менялся. Из Дербента массово уезжали в Израиль на ПМЖ таты. Небольшой народ, столетиями живший на древней Дербентской земле, целыми кварталами спешно распродавал свое имущество и отбывал на Землю обетованную. Жившие рядом с ними бок о бок дагестанцы, не все конечно, а самые «предприимчивые», воспользовавшись бардаком в стране, стали на этом делать свой «маленький бизнес». Отъезжающих в Израиль обворовывали, грабили, обманывали, запугивали. В общем, старались, чтобы последние дни на дагестанской земле таты запомнили хорошо

и надолго.

Душным июльским вечером Карим, вернувшись домой, застал у себя Джамала. Старший брат был явно чем-то взволнован.

– Джамал, просто так ты до моего уровня не опускаешься. Случилось что?

– Да я по делу. Ты же знаешь моего соседа – Мишу Ягудаева?

– Конечно, столько лет на одной лестничной клетке вы с ним живете. Мне иногда даже кажется, что этот еврей тебе больше брат, чем я.

– Понимаешь, тут такое дело. Они уезжать собрались, продали квартиру за бесценок, вещи, какие смогли. Послезавтра у них самолет в Москву, оттуда – в Тель-Авив. Паспорта уже получили. А вчера постучал к ним кто-то ночью, жена его дверь открыла, ее по голове чем-то тяжелым… Нашли деньги, они их в морозилке держали, и забрали все. Бабка их в больнице с инфарктом. Миша про тебя знает. Просит помощи. Можешь помочь? Я бы за кого-нибудь другого никогда не просил, но Мишка мне действительно как брат.

– Вот суки! Подозреваете кого-нибудь?

– Кроме тех, кто купил квартиру, о деньгах знал только я.

– Адрес мне их дай и возвращайся домой. Мише скажи, что меня не застал и помочь мы ничем не сможем, а я все, что нужно, сделаю.

На следующий день возле большого красивого дома в од-

ном из дербентских магалов остановились две «девятки». Из одной вышли Карим и двое парней спортивного телосложения. Они остались курить возле машины, а Карим заглянул в открытые ворота. Во дворе сидел на горшке мальчик. Карим подошел к нему, поздоровался и спросил, дома ли папа. Тот ответил, что не знает, но покажет ему, «где мама, которая знает – дома папа или нет». Вместе они и вошли в дом. В прихожей их встретила женщина лет сорока. На голове у нее был черный с ярко-желтыми бабочками платок. Она провела Карима в комнату. На диване перед телевизором сидел небритый мужчина в спортивных штанах и футболке сборной Германии.

– Салам алейкум. Я Карим из Каспийска. Слышал?

Визит Карима, видимо, не понравился хозяину дома, поэтому ответил он не очень вежливо.

– Я Магомед из Дербента, меня тоже многие знают.

– Ну, раз нас с тобой знают, мы, я думаю, быстро разберемся. Ты на днях квартиру прикупил недорого, поздравляю.

– И чё?

– Ты слышал, что хозяев квартиры ограбили? Эти люди – мои друзья. Завтра у них самолет, поэтому сегодня ты найдешь тех, кто это сделал, и вернешь все деньги. Еще тысячу добавишь к этой сумме на лечение бабушки.

– Ты что мне угрожаешь?

– Да. Я тебе угрожаю.

Карим взял со стола небольшой стеклянный чайник, отпил прямо из носика, потом аккуратно поставил его на место и вышел. Мужик подбежал к окну. Он успел заметить, как на ходу Карим бросил оставшимся на улице: «Поехали», и две одинаковые машины тронулись с места. Они сделали круг и вернулись к дому Магомеда, но остановились в ста метрах от его ворот.

Почти сразу к дому Магомеда стали съезжаться какие-то люди. Карим наблюдал за этой внезапной активностью на обычно тихой улочке, ничего не предпринимая, будто терпеливо кого-то ждал. Когда из-за ближайшего поворота вынырнула черная восьмерка, Карим встал посреди дороги так, что объехать его было невозможно. Водитель восьмерки притормозил метрах в пяти от него и стал сигналить, а потом, потеряв терпение, решительно вышел из машины. В это время один из друзей Карима выскочил из девятки и хорошо поставленным ударом отключил этого человека. Карим, перекинув его через плечо, потащил к своей машине. Пленника усадили на переднее сидение и рванули с места. Через пятнадцать минут парень пришел в себя, посмотрел на Карима и спросил:

– Ты кто?

– Конь в пальто. Позавчера вы на Маркса квартиру ограбили. Где бабки?

– Не знаю.

– А кто знает?

– Мой двоюродный брат, Магомед.

– Сколько взяли?

– Двадцать одну тысячу.

– Пока деньги не вернут, покатаешься с нами.

К дому Магомеда подъехала машина. Из нее вышел Мурад – друг Карима. На этот раз калитка была закрыта. Он позвонил и, когда ему открыли, сказал коротко: «От Карима».

Мурада провели в дом. В комнате сидели шесть человек, один из них с пистолетом. Выяснив, кто из присутствующих Магомед, Мурад сказал:

– Твой брат у нас. Если через полчаса я не вернусь к ним с зеленью, они его убьют.

Магомед, красный от злости, шепнул что-то одному из своих. Человек вышел во двор и через пять минут принес завернутые в бумагу деньги.

– Двадцать две тысячи, можешь не считать.

– Карим просил передать, чтобы завтра ты продал квартиру. Кому хочешь.

Мурад вышел из дома, сел в машину.

– Все в порядке. Поехали.

1 сентября 1988 года Карим повел Алину в первый класс. Девочке не было еще и шести лет, но директор школы после беседы с папой решил сделать для нее исключение. В классе Алина оказалась самой маленькой, но, как скоро выяснилось, самой способной. С четырех лет Алина умела читать,

причем бегло, писать и даже складывать и вычитать дроби. «Вам бы девочку сразу во второй класс определить, скучно ей с нами», – говорила ее учительница. Но Карим считал, что торопиться некуда. К тому же Алина, привыкнув к своему классу, наотрез отказывалась переходить в другой.

В этот же день, 1 сентября 1988 года, Карим еще успел забежать в университет, встретиться с однокурсниками.

– Я жду вас завтра в 15.30. Это очень важно, – объявил Карим. – Мы перевернем жизнь всего универа, а может, и республики!

Карима курс уважал, поэтому на следующий день в 306 аудитории собрались все без исключения. Карим вышел к кафедре и произнес следующую речь:

– Мы с вами учимся вместе уже четвертый год. Мы видим, как несправедливы бывают наши преподаватели, декан, ректор. Как бездействует наша комсомольская организация, как уходят на сторону деньги, выделенные нам как профсоюзная помощь. А знаете ли вы, что для написания дипломной работы можете за счет государства поехать в любой город Советского Союза, если сумете доказать необходимость этой поездки? И знаете, сколько человек за последние, скажем, пять лет воспользовались этой возможностью? Кто может сказать, почему в Германию по линии обмена с университетом Магдебурга поехал племянник нашего декана? К сожалению, никто! А вы задумывались – почему? Да потому, что того, кто задаст этот вопрос, завтра же отчислят! И пра-

вильно сделают. Не задавай ненужных вопросов.

Но сегодня настали другие времена. Мы с вами создадим общественный политсовет, зарегистрируем его как самостоятельный орган и будем вмешиваться во все процессы, в которых затрагиваются наши интересы. Сегодня нас здесь пятьдесят человек. Завтра к нам присоединится все студенчество республики. И тогда с нами обязательно начнут считаться. Согласны вы со мной?

В аудитории несогласных не было. Все остальное было делом техники. Проголосовали за создание Общественного политсовета «Молодежная инициатива», а его председателем выбрали студента четвертого курса филологического факультета Карима Джандарова.

Так Карим стал лидером дагестанской молодежи. Его стали приглашать на различные собрания, где он сидел в президиуме, на дискуссии в рамках телевизионных программ, в крупные университеты России для обмена опытом.

Следующие два года Карим упорно работал над своим новым имиджем. Он выходил из дома исключительно в деловом костюме и тщательно подобранном галстуке. От полукриминальных предложений отказывался. Практически на все публичные мероприятия приезжал с Алиной. А както, выкупив у дагестанского телевидения два часа эфирного времени 31-го декабря, вместе с восьмилетней дочерью провел благотворительный телемарафон, во время которого собирал деньги в пользу детей-сирот. И если до этого дня в

республике еще были люди, которые не знали, кто такой Карим Джандаров, то 1 января 1990 года таковых практически не осталось. Одни его обожали, другие тихо ненавидели, но равнодушных не было.

8 января в 11 часов дня Кариму позвонили.

– Добрый день, Карим Альдерович. Вас беспокоят из приемной ректора. Ахмед Магомедович примет вас сегодня в 12–30.

Карим стал собираться. Сегодня он должен объявить о своих планах. Помешать они уже не смогут, но предупредить ректора нужно. Это будет и демонстрацией его уважения, и доказательством прочности его позиций. Конечно, ректор вряд ли будет его сторонником, но открыто конфликтовать с руководителем столь высокого ранга пока рано.

Карим вышел на улицу. Морозный воздух приятно ударил в свежевыбритое лицо. Он уже потянулся к двери своей машины, когда периферическим зрением уловил какое-то движение, и тут же рядом с ним очутились двое. Одеты они были в одинаковые серые плащи, и на головах у них были похожие фетровые шляпы. Как говорится, два молодца, одинаковых с лица.

– Не торопись, Карим. Садись в нашу машину, поговорить нужно.

– Я спешу. Приходите в мой офис, там поговорим.

– Говорить мы все-таки будем в нашем офисе. У нас теплее. Делай, что тебе говорят, и не привлекай внимание.

Карим увидел перед своим носом удостоверение капитана Комитета Государственной Безопасности СССР и сразу как-то обмяк. Ноги не слушались, чекистам пришлось вести его к машине практически под руки.

В черной «Волге» сидели еще двое. Один за рулем, другой рядом с водителем. Карима усадили на заднее сидение, по обе стороны от него разместились плечистые «мальчики», и машина рванула в сторону Махачкалы.

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространства и простор.

Эту песню Карим пропел про себя дважды от начала до конца. Не помогло. «Интересно, что им от меня нужно, – думал он. – Кто мог меня сдать? Нет, я сам виноват. Где-то допустил ошибку, промах. Где? Где? Где? Нужно вспомнить каждое серьезное дело за последний год. Вспомнить! Вспомнить! Вспомнить! А что тут вспоминать, каждое мое дело – это по советскому Уголовному кодексу статья. Говорила мне Карина: остановись. Легко сказать. Деньги вложены, что, я их бросить должен был? А может, им моя общественная деятельность не понравилась? Точно. Если бы их интересовали мои дела – вызвали бы повесткой в райотдел. Чекисты такой фигней не занимаются. А может, эти ребята и не чекисты никакие. Сейчас удостоверение сделать, что пописать пойти. Тогда – кто?»

Но его привезли к известному всем махачкалинцам серому зданию в центре города. Кариму стало легче. Неприметная дверь в торце здания распахнулась, и по длинному коридору его провели в небольшой кабинет без окон и оставили одного. Карим сел на стул и огляделся: обстановка самая простая – стол, стул, еще шкаф для документов и массивный металлический сейф серого цвета. Карим стал ждать. Минут через двадцать в кабинет вошел неизвестный. Не представившись и не поздоровавшись, спросил:

– Что у вас в карманах?

Карим выложил на стол ключи от машины, зажигалку, сигареты, деньги. Человек молча сгреб все в целлофановый пакет и вышел. Прошло еще какое-то время, Карим сидел один. Его персоной никто не интересовался. Когда ему стало казаться, что день уже закончился, в дверь вошел еще один новый для Карима персонаж.

– Меня зовут Расим Камилович. Я майор КГБ. У меня есть к вам несколько вопросов. Как видите, я без бумаг и диктофона. Поэтому советую вам говорить со мной предельно откровенно.

– А если я вообще откажусь с вами говорить?

Вместо ответа майор нажал на какую-то кнопку под крышкой стола. Вошел молодой сотрудник в форме. Майор обратился к нему:

– В моем кабинете на столе лежит папка открытая. Собери аккуратно все бумаги и принеси.

Принесли папку. Майор открыл ее, начал читать.

– Так… Посмотрим… Джандаров Карим Альдерович. 1959 года рождения. Место рождения. Национальность. Член ВЛКСМ. Семейное положение. Это все лирика… А вот то, что нас, собственно, интересует. Итак, спекуляция музыкальными инструментами, незаконное предпринимательство, вымогательство, создание ОПГ, незаконное хранение и ношение оружия, незаконный оборот спиртосодержащей продукции. Водку, что ли, в гараже разливал, а, Карим? Ну и по мелочи страниц восемьдесят.

– Что, у вас на каждого такая папка?

– Основной закон социализма знаешь? От каждого по способностям, каждому по персональному делу! Ты думаешь, мы зря едим свой хлеб?

Карим на минутку представил, какими могут быть его ближайшие десять лет. Ему стало не по себе.

– Стучать я ни на кого не буду!

– А мы тебя стучать и не просим. Нам стукачей и без тебя хватает. Мы знаем, что ты собираешься баллотироваться в народные депутаты.

– Откуда? Я же никому кроме…

– Я тебе больше скажу. Мы даже знаем, что ты эти выборы выиграешь. А вот тогда ты нам и можешь пригодиться. В каком качестве, пока не знаю. Через год – другой видно будет. Я могу считать, что мы с тобой договорились?

Карим кивнул.

– И не надо так трагично. Ты же не на западную разведку работать соглашаешься. Ты помогаешь органам своего государства, а значит, и своему народу. Ты еще гордиться будешь сотрудничеством с нами. Ладно, хватит. У меня работы полно, бери бумагу, пиши.

– Что?

– Я, фамилия, имя, отчество, впредь обязуюсь оказывать любую помощь органам, стоящим на страже интересов народов СССР. В случае, если я буду располагать информацией о любых действиях граждан или организаций, заведомо наносящих вред интересам страны, обязуюсь сообщать об этом органам госбезопасности. Число поставь, подпись. Все, свободен. Тебе справку дать, для ректора, что ты опоздал на встречу не просто так?

– Вы и о встрече знаете?

– Тебя проводят до выхода. Удачи на выборах.

Его действительно проводили. Карим вышел и первым делом вдохнул загазованный морозный воздух так жадно, будто это был аромат «Шанель». Постояв минут пять, он поймал такси и поехал домой. Сегодня никаких встреч и вообще больше никаких встреч. Все, хватит, – думал он, – завтра же пойду и устроюсь учителем литературы в алинкиной школе.

Депутат

Ректору ДГУ имени Ленина

Копия: газета «Дагестанская правда»

Открытое письмо

Прошу обратить Ваше внимание на ужасающие условия проживания студентов университета в общежитиях № 1, 2, 4.

Второй год в них нет центрального отопления, протекает крыша, антисанитария в местах общего пользования.

А вместе с тем, по моей информации, только в этом году на текущий ремонт общежитий выделено 120 000 рублей. Где эти деньги?

В случае, если деньги найдутся, наша общественная студенческая организация готова безвозмездно принять участие в работах по ремонту общежитий.

Председатель Общественного политсовета «Молодежная инициатива» Джандаров К.А.

Семь дней не выходил Карим на улицу. Семь дней не отвечал на звонки и не давал руководящих указаний. На вопросы Карины отвечал либо «да», либо «нет». Иногда «не знаю». Единственным его собеседником в эти дни была Алина. Карим делал с ней уроки, пока Карина была на работе, готовил для нее обед. На восьмые сутки он решил проверить аккумулятор своей машины, на девятые выехал за продуктами на

рынок, а на десятые, окончательно отойдя от стресса имени Феликса Дзержинского, поехал в университет. Он свыкся с мыслью, что теперь является негласным сотрудником конторы, которую поливают грязью все, кому не лень. «В конце концов, – решил Карим, – я еще ничего не сделал ни во вред, ни во благо, и переживать еще рано. Буду жить так, как жил все последние годы, а там видно будет».

6 февраля в газете «Дагестанская правда» вышла статья «Выборы – 90», в которой была изложена предвыборная платформа кандидата в народные депутаты РСФСР по Советскому территориальному округу № 814 Карима Альдеровича Джандарова.

«Ему 30 лет. Учится на филологическом факультете ДГУ им. В.И. Ленина. Является президентом Общественного политсовета «Молодежная инициатива», член оргкомитета по подготовке первого республиканского студенческого форума, участвовал в работе Всесоюзного студенческого форума, делегирован на XXI съезд ВЛКСМ. Кандидатом в народные депутаты Карим выдвинут на университетской конференции, где набрал 253 голоса, опередив 7 соперников, среди которых именитые профессора.

ИЗ ПРЕДВЫБОРНОЙ ПЛАТФОРМЫ. Отмена ст. 6 Конституции РСФСР о руководящей роли партии. Российской Федерации – полный суверенитет с перспективой придания ДАССР статуса союзной республики. Все законы привести в

соответствие с Декларацией прав человека.

Равноправие форм собственности. Землю – тому, кто ее обрабатывает. Гарантированное обеспечение народов Дагестана продовольственными и промышленными товарами в соответствии с его трудовым вкладом. Дагестану – хозрасчет и самофинансирование. Создание независимой экологической экспертизы.

Образованию, культуре, медицине – приоритетное финансирование. Возрождение многовековых духовных, культурных ценностей народов Дагестана.

Свобода религиозного обучения детей по желанию родителей. Предоставить религиозным объединениям право издавать газеты и журналы. Снятие всех ограничений для совершения верующими паломничества в Мекку».

В ночь на 5 марта всем уже было понятно, что Карим стал народным депутатом РСФСР. Он опередил своего главного конкурента, летчика-испытателя Магомедова на 10 %. Остальные пять претендентов на депутатский мандат отстали значительно.

К двум часам ночи в его предвыборный штаб стали съезжаться доверенные лица. Все уставшие, вымотанные, но мысль, что неплохо бы отправиться домой и отдохнуть, даже не приходила им в головы. Оказалось, что в штабе нечем отпраздновать победу. Карим вызвал Мурада. Последние два года именно Мурад – друг еще со времен каспийского техникума – был для Карима и правой рукой, и надежной опо-

рой, а главное – генератором идей.

– Мурад, возьми деньги, сколько нужно, организуй стол для ребят. Праздник откладывать не будем.

– Через полчаса все будет.

И действительно, через полчаса в пластиковые стаканчики разливали шампанское, девушки мыли фрукты, нарезали сыр и копченую колбасу. Карим с Кариной сидели во главе стола. Все шутили, смеялись, вспоминали события последних дней. Каждый получил возможность рассказать о своем персональном вкладе в общую победу. Слово попросил Карим. Все ждали этого торжественного момента, и вот он настал.

– Мужики! Ну и кашу мы с вами заварили. И что теперь со всем этим делать, а? Вот что хочу сказать вам. Я всегда буду помнить вашу помощь. Я знаю, что она была искренней и бескорыстной. Обещаю вам, что завтра буду также искренне помогать вам во всех ваших начинаниях и заботах по мере своих скромных сил. Но сегодняшняя победа – это только начало большого пути и большого дела. Если мы с вами одна команда, а я уверен, что так оно и есть, мы не должны забывать о тех обещаниях, которые так щедро раздавали. Ни один наш избиратель не должен разочароваться в нас. Не забывайте об этом сами и не давайте забывать мне. Еще раз всех с победой!

В тот момент, когда Карим уже собирался поднять стаканчик с шампанским, в штаб вошел еще один член команды.

Он был белым, как мел. Его пальто было ужасающе грязным, а узел галстука съехал влево. Он схватил со стола первый попавшийся стакан, тремя большими глотками выпил все, что в нем было, а потом тихо сказал:

– Тагира убили.

Повисла тишина. Все смотрели на Карима. Через минуту он взял себя в руки и спросил:

– Как это случилось?

– Мы с Тагиром и еще двумя нашими ребятами приехали в Буйнакск. Зашли в какую-то школу, там был избирательный участок. Я пошел говорить с начальником, а когда вернулся, увидел, что Тагир сцепился с одним из команды директора завода. Мы их разняли. Те вроде успокоились. Когда мы садились в машину, кто-то выстрелил ему в спину и убежал. Женщины стали кричать, вызвали скорую, но было уже поздно. Тагира потом менты увезли.

…Это было примерно за месяц до выборов. Карима и директора буйнакского завода «Промбытмаш» пригласили на телевизионные дебаты в прямом эфире. Оба согласились.

Первым выступал директор завода. Ему было далеко за шестьдесят, поэтому он в основном говорил о предательстве Горбачевым дела и идеалов партии, а Карима назвал мальчишкой, который ничего не понимает ни в жизни, ни в политике. Затем слово предоставили Кариму.

– Уважаемые телезрители, – начал Карим. – Я не буду от-

вечать на оскорбления моего уважаемого оппонента, я просто попрошу принести в студию одну замечательную вещицу. Вы не возражаете?

До эфира Карим ничего об этом сюрпризе не говорил, и, пока ведущий соображал, возражать или нет, сюрприз уже был у Карима.

– Это пылесос, сделанный в цехах буйнакского завода промышленных и бытовых машин. Он совершенно новый, моя жена приобрела его в ЦУМе две недели назад. Вот чек. Дату видите? Я попрошу подключить этот агрегат к сети, хочу продемонстрировать, как он работает.

Чьи-то расторопные руки уже втыкали вилку в розетку, и Карим нажал на кнопку выключателя. Тут же из трубы, которая по идее должна была всасывать пыль, с шумом стал выходить горячий вонючий воздух.

– Вместо того, чтобы собирать мусор, этот удивительный пылесос мусор распространяет. Конечно, его можно использовать как фен, но он гоняет такой малоприятный запах… Жаль, телевидение еще не научилось передавать ароматы. Думаю, не нужно объяснять, что мой уважаемый оппонент и депутатом будет таким же, каким является директором. Это все, что я хотел вам сказать. Спасибо.

Все, кто был в студии, с большим трудом сдерживались от приступов смеха, и только директору завода «Промбытмаш» было совсем не весело. Несколько раз он, заикаясь, пробормотал: «Это провокация». Уже погас свет в студии, а дирек-

тор еще сидел за своим столом и повторял: «Провокация, провокация». На выходе из телецентра, он все-таки догнал Карима и тихо, чтобы не слышали окружающие, сказал:

– Я тебе этого никогда не прощу.

Тагир

Тагир, салам.

Возьми своих ребят и завтра в 7 утра выезжай во Владик. Тут с местными пацанами непонятки. Стволы не берите. Будем только разговаривать. На всякий случай захвати с собой нашего уважаемого мента Захара.

Карим.

7 ноября 1957 года, в день, когда страна праздновала сорокалетний юбилей Октябрьской революции, у Альдера родился второй сын. Назвали его Тагиром. До семи лет рос он обычным сельским пацаном, а когда пришло время отдавать его в школу, вдруг выяснилось, что ребенок сильно заикается. Учителя и врачи, которым показывали мальчика, возмущались, куда, мол, смотрели родители, почему не спохватились раньше, но помочь ничем не могли. И с науками у Тагира не заладилось с самого начала. Но, как говорится, забрав одно, Всевышний наградил ребенка другим – Тагир был не по годам развит физически. К семнадцати годам его рост превышал 190 сантиметров, а кулак был больше, чем голова многих его сверстников. И если б в родном селе была тогда какая-нибудь, пусть самая захудалая спортивная секция, быть бы ему чемпионом мира. Но не случилось. Всю свою энергию и силу мышц тратил он на работу в поле, и это его

ничуть не напрягало. Когда Тагир предстал перед призывной комиссией, его, не сомневаясь ни секунды, определили в воздушно-десантные войска. Через четыре месяца учебки прибыл он в свою часть под Ужгородом. Командир полка оглядел Тагира с ног до головы и тоном, не терпящим возражений, заявил:

– Будешь выступать в сборной дивизии по рукопашному бою.

Вся дальнейшая служба состояла из тренировок и соревнований. Тагир стал приносить медали и кубки сначала своему полку, потом дивизии, а затем и всему Закарпатскому военному округу.

В одно прекрасное весеннее воскресенье Тагир с товарищами по сборной устроили на соседнем стадионе футбольный «междусобойчик». Поскольку Тагир был в их компании самым рослым и неповоротливым, его определили в защитники. Впервые этот «гений футбола» увидел настоящий мяч только в армии, но не в его характере было обращать внимание на такие пустяки, и к своим воротам он не пропускал никого. Правда, мяч, оказавшись перед ним, отказывался подчиняться, юлил, норовил ускользнуть, и тогда Тагир просто отфутболивал его подальше на половину противника.

За их игрой наблюдал один из тренеров львовского спортивного клуба армии, выступающего в первенстве СССР по футболу в самой низшей лиге. Громадный, неуклюжий защитник понравился тренеру своей неуступчивостью, и после

игры он подошел к Тагиру:

– Хочешь, я из тебя футболиста сделаю? Если согласен, приходи завтра к 10 утра на стадион СКА.

– Меня не отпустят.

– Отпустят, я договорюсь.

Поскольку футбольный клуб СКА представлял в первенстве Закарпатский военный округ, его отпустили. И Тагир два раза в день стал ездить тренироваться. Пока футболисты занимались общефизической подготовкой, Тагир был в команде лучшим по всем показателям. Но, когда дело доходило до упражнений с мячом, ему приходилось туго. Тагир стал оставаться после тренировок и занимался, пока его не выгоняли. Через шесть месяцев его впервые выпустили на поле в официальном матче. Больше команда до конца сезона без Тагира не играла.

Ему уже разрешали не появляться в части неделями. Жил он на футбольной базе и даже стал получать зарплату – 80 рублей. Следующий футбольный сезон открывался матчем на кубок СССР с клубом высшей лиги – днепропетровским «Днепром». Это была крепкая команда и, несмотря на отчаянное сопротивление львовского СКА, выиграла со счетом 1:0. После игры к тренеру хозяев подошел коллега из «Днепра» и спросил:

– А что за хлопец у тебя играл защитника центрального, высокий такой?

– Да это Джандаров. Дагестанец. Службу у нас проходит.

– Слушай, отдай его мне.

– Так он же в армии.

– Это не твои проблемы. Я договорюсь.

Через две недели Тагир уже тренировался в дубле клуба высшей союзной лиги. Ровно через год после того, как впервые пнул настоящий футбольный мяч. На учебно-тренировочной базе «Днепра» ему выделили отдельную комнату с телевизором и видом на реку. Два раза в день он тренировался с командой, один раз – дополнительно с персональным тренером. Руководители команды, глядя на этого здоровяка с неуклюжей походкой, удивлялись его выносливости, но при этом дружно отрицали возможность сделать из него что-нибудь путное для футбола. Когда его повезли в Киев для полного медицинского обследования, врач предложил Тагиру запредельные нагрузки, а потом не без зависти заметил:

– Двадцать лет обследую спортсменов, были у меня и игроки сборной Союза, и футболисты киевского «Динамо», но ничего подобного я не видел. Тебе, парень, с такими показателями можно не 90, а 120 минут играть на пределе. Причем через день. Удивительно быстрое восстановление. На тебе пахать можно!

Тагир скромно улыбнулся и, заикаясь, выдал гениальную фразу:

– А я и пахал. Когда лошадь наша болела, впрягался вместо нее и тащил. Двести килограммов почти. У нас в горах все такие. Только мне тренеры тренироваться не дают, гово-

рят, я себя угроблю.

Через неделю Тагира перевели в основную команду и объявили, что с первого числа его ставка будет составлять двести пятьдесят рублей, а если он попадет в стартовый состав в играх чемпионата СССР, то триста. Плюс премиальные за победы, но это уже как тренер решит. Но самое главное – поступил приказ об увольнении Тагира в запас.

– Значит, теперь я могу ехать домой?

– Можешь. Но не поедешь. Через десять дней чемпионат начинается. Тренер на тебя рассчитывает. Будешь работать – будешь играть.

Тагир пошел в свой номер, собрал сумку и через пятнадцать минут был на вокзале. Хватились его только на вечерней тренировке. Но к тому времени он уже подъезжал к Харькову. В 21–10 уходил поезд Харьков – Баку. На нем ровно через два дня и три часа он прибыл в Дербент. Было уже поздно, но Тагир нашел человека, который за 25 рублей согласился доставить его в село. В три часа ночи он громко стучал в ворота отцовского дома.

Проснулся Тагир на следующий день. Отец успел собрать полсела для праздничного застолья. Начались расспросы, он долго рассказывал все, что с ним произошло за последние два года. Отец слушал, иногда улыбался.

– Ты хотя бы раз за всю службу автомат в руках держал?

– Конечно, когда присягу принимал.

В самый разгар праздника, когда все уже были под хо-

рошим градусом, Тагир встал из-за стола, пошел в сарай, отыскал свою персональную штыковую лопату и направился в сад. Оглядевшись, он определил подходящее для посадки картофеля место и принялся копать. Копал часа три без единой остановки. А когда понял, что слегка перестарался и вышел за границы намеченного участка, вернулся в дом. Его отсутствия никто даже не заметил. Тагир умылся, переоделся, сел поближе к отцу и тихо, чтобы не слышали сидящие рядом, сказал:

– Папа, мне завтра ехать нужно.

– Назад, в Днепропетровск? А через неделю нельзя?

– Нет, я даже тренера не предупредил. Они меня ищут, наверное.

Час назад Тагир вернулся на базу, забросил вещи к себе в номер и пошел к Юре Копылову. Они были одногодки, в одно время попали в команду, так что не подружиться не могли. Юра лежал на кровати и смотрел телевизор. Увидев Тагира, он сел, протер глаза и спросил:

– Ты где шлялся почти неделю?

– Домой ездил, отца повидать.

– Тебя все ищут, Михалыч ругался, говорил, на пушечный выстрел к команде не подпущу. Ты что, отпроситься не мог?

– Не подумал. Хотел побыстрее уехать.

Тагир постучал в дверь кабинета старшего тренера команды Виктора Михайловича Гончаренко. Это был второй авторитет в футбольном мире Украины после Лобановского. Ему

было далеко за шестьдесят, и на своем веку он повидал все. Были и громкие победы, и опала у партийного руководства. Он тренировал великих футболистов и мальчишек в детской спортшколе. Тренер сидел за большим столом и о чем-то думал. Тагир прервал ход его мыслей, а Михалыч – так за глаза звали его в команде – этого не любил.

– Виктор Михайлович, разрешите?

– Пошел вон, чтобы я тебя больше не видел!

Тагир развернулся к двери.

– Стой! Ты где был?

– Домой, к отцу ездил.

– Придурок. Тебя вся милиция Украины ищет.

Тагир вышел от тренера и отправился к себе собирать вещи. Через пятнадцать минут в дверь постучал Копылов.

– Михалыч просил тебе передать, что тренировка в 18–30. Не опаздывай.

В своем первом матче в высшей лиге Тагир отыграл десять минут. Его «Днепр» выигрывал у бакинского «Нефтчи» со счетом 2:0, и Михалыч рискнул выпустить его на поле. Хотя риска, в общем-то, никакого не было. Слишком уверенно играла его команда. Тагир за эти десять минут только один раз вступил в единоборство, отобрал мяч и запулил его в трибуну. Через неделю «Днепр» играл в Москве против «Динамо» и к перерыву проигрывал 0:3. Гончаренко через помощников подозвал к себе Тагира, сказал, чтобы готовился играть во втором тайме, а сам пошел в раздевалку устраи-

вать своим игрокам «прочистку мозгов». Тагир отыграл целый тайм. Но «Днепр» пропустил еще один мяч с пенальти.

В домашней игре против ташкентского «Пахтакора» он на поле не вышел. «Днепр» уступил 0:2. Во вторник Михалыч вызвал к себе Тагира и объявил, чтобы он будет играть в следующем матче с первых минут. Первое, что сделал Тагир, – побежал искать газету с телевизионной программой, а когда нашел, его охватила легкая паника. Суббота, 19–30. Чемпионат СССР по футболу. «Динамо» Тб. – «Днепр» Дн. Трансляция со стадиона в Тбилиси. Тагир позвонил отцу. Точнее, соседу отца, в доме Альдера телефона никогда не было.

– Дядя Надир, это Тагир, салам алейкум.

– Вах, Тагир, ты где, откуда звонишь?

– Я в Днепропетровске. Вы можете позвать к телефону отца?

– Ты что, с ума сошел? Пока я добегу до вашего дома, пока твой отец – старый хрыч доберется до моего, вся твоя зарплата кончится.

– Ничего, дядя Надир, я богатый теперь. Зовите.

Сосед побежал звать отца.

– Что случилось, сынок?

– Все нормально. У тебя телевизор работает?

– Работает вроде, не смотрю я его, ты же знаешь.

– А ты в субботу посмотри. По второй программе футбол. Я играть буду. Только обязательно посмотри, я позвоню потом.

В субботу в доме Альдера собралось полсела. Когда Котэ Махарадзе сказал: «Номер четвертый – Тагир Джандаров», старик закричал.

– Это мой сын! Это мой сын!

На тринадцатой минуте игры Тагир пошел в жесткий стык с нападающим «Динамо» и упал. Судья остановил игру. Комментатор изрек:

– Посмотрите, как грубо сыграл защитник «Днепра». Да эти украинцы всегда играли жестко, иногда даже жестоко. Я пока не вижу, кто это. Спасибо нашим операторам, этот украинец – Тагир Джандаров. Но почему он не встает? Вот на поле появились врачи. Джандарова уносят на носилках. Будем надеяться, что у него травма несерьезная и через несколько секунд он вновь выйдет на поле.

Но через несколько секунд Тагир не выйдет. Не выйдет и через несколько минут. Он вообще никогда больше не выйдет на футбольное поле. Разрыв крестообразных связок.

Год Тагир лечился. Ему сделали три операции. Когда боль вроде бы прошла, Тагир начал тренироваться. Тренировался он в подъезде своего дома. Два раза в день он по четыре раза поднимался пешком на двенадцатый этаж. Спускался на лифте и опять поднимался. Через неделю боль вернулась. Нога распухла. Лечение пришлось начинать заново. Опять костыли, физиопроцедуры. Прошел еще один год. Все это время он жил в съемной однокомнатной квартире на окраине Днепропетровска. Постепенно Тагир привык к постоян-

ной, не отпускающей боли в колене. Колено болело всегда. Когда он лежал, когда он сидел, когда он ходил. Бегать он не мог. Чтобы хоть как-то поддерживать физическую форму, Тагир стал плавать в бассейне и заниматься в тренажерном зале. Через полгода у него закончились деньги. Друзья-футболисты заходили к нему все реже и реже. Дольше всех продержался Юра Копылов, но и он не появлялся уже месяц.

Как-то Тагир бродил в супермаркете между полок с продуктами, не зная, что выбрать к завтраку. Пару раз маршруты его пустой тележки пересеклись с маршрутами высокой молодой шатенки с грустными глазами. В очереди к кассе они тоже оказались рядом.

Через месяц они поженились. Шатенку звали Мария. Отец ее, водитель-дальнобойщик, националистом не был, но выдавать единственную дочь за «черного» не соглашался до тех пор, пока не узнал, что жених – футболист «Днепра». Хотя и бывший. В городе свою команду и своих футболистов любили. Свадьбу сыграли скромную. Раза три пытались кричать «горько», Тагир встал и объявил всем присутствующим:

– У нас это не принято.

Спорить с двухметровым женихом никто не захотел. Через две недели семейной жизни Тагир понял, что дорога в футбол для него закрыта навсегда, и стал искать работу. Его никуда не принимали. Но однажды Тагир совершенно случайно встретил в центре города своего тренера. Точнее, он шел по улице, а Михалыч окликнул его из окна своей «Вол-

ги»:

– Тагир, здравствуй, сынок. Ну, как твои дела?

– Все хорошо. Женился недавно.

– А как нога? Вроде не хромаешь.

– Для футбола моя нога уже непригодна.

Гончаренко все понял. Вечером он позвонил нужным людям, и через три дня Тагир уже работал детским тренером в специализированной футбольной школе. Еще через неделю в его квартиру внесли новый холодильник, телевизор и стиральную машину. «Это от команды», – сказали грузчики, попросили по стакану воды и ушли. Тагира дома не было. Новую технику принимала Маша.

Началась тихая и размеренная жизнь обычной днепропетровской семьи. Маша работала учителем музыки в соседней школе. Тагир провожал ее на работу, а сам на троллейбусе ехал на очередную тренировку. Возвращался он поздно и всегда умудрялся принести любимой жене что-нибудь вкусненькое. Следующим летом у них родилась дочка Юля, а в сентябре они втроем поехали на родину Тагира. В Дагестан.

Дедушка Альдер светился от радости. Он осторожно брал маленькую Юльку на руки и тихо говорил:

– У меня есть три сына и два внука. Но эта красавица у меня теперь всегда будет на особом положении. Официально заявляю: этот дом после моей смерти ее. Хочет пусть живет, не хочет, продаст вместе с садом и коровами. И деньги все ее. Вы меня хорошо слышите?

– Слышим, папа, слышим. Ты только умирать не торопись, а то она по молодости может дешево дом продать.

Даже к необычному в горах имени Юлия Альдер быстро привык и, слегка посмеиваясь, говорил: «Юлька на меня посмотрела, Юлька мне улыбнулась». Свою невестку Машу он не знал куда усадить и не разрешал ей ничего делать по хозяйству. Называл ее только «дочка» и старался угостить фруктами из своего сада.

– У вас таких яблок нет. А персики мои вообще лучшие в Дагестане. Съешь, пожалуйста, еще один.

Старший брат Джамал приехал знакомиться с новыми родственниками вместе с женой и двумя сыновьями. Они сидели за столом во дворе и пили чай из большого самовара, который топили дровами. Тагир уже несколько раз спрашивал сначала у отца, а потом и у брата, почему не приезжает Карим. Но внятного ответа не получил. Через два месяца Тагир засобирался назад в Днепропетровск. На машине приехали они на дербентский вокзал. Провожали их Джамал и Джамиля. До прибытия поезда оставался ровно час, и Тагир ждал и надеялся, что Карим придет хотя бы на вокзал. Он очень хотел увидеть брата, познакомить с Машей, показать Юльку. Но Карим не пришел. Они сели в поезд и через два дня были у себя в Днепропетровске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.